

Перила поднялись, и дорога впереди оказалась совершенно свободной.

Тань Мэнси с удивлением посмотрел на Юй Сюя:

— Кажется, всё начинает налаживаться.

Юй Сюй словно не расслышал его слов и просто вывел машину со стоявшей на пути парковки.

Они покинули жилой комплекс, и на развилке Тань Мэнси указал направление, противоположное клинике.

Он бессильно откинулся на спинку сиденья и тихо произнес:

— Наконец-то не этот замкнутый круг.

— Говоришь так, будто я сам жил иначе. — На этот раз Юй Сюй расслышал и протянул руку, чтобы взять колу из подстаканника.

Юй Сюй тоже жил точно так же, разве что их графики немного сдвигались. Они сняли склад рядом с клиникой, и Юй Сюй каждую ночь отправлялся туда нарезать линзы и разбирать товар. У них была одна цель и один пункт назначения, и они целыми днями мотались туда-сюда: один рано, другой поздно.

Привычка оказалась сильнее правил безопасного вождения, и Тань Мэнси подался вперед, чтобы помочь ему.

Запястье Юй Сюя изогнулось, уходя от его руки.

Рука Тань Мэнси зависла в воздухе, а спустя две секунды медленно вернулась на сиденье.

Его лицо пылало, а сердце, казалось, кто-то сжал со всей силы, и от этого стало невыносимо тошно.

Юй Сюй не смотрел на него:

— Никаких мы больше нет, мы уже расстались.

— Ты сказал, что не согласен... У меня не было выбора, кроме как уехать одному. — Лицо Тань Мэнси помрачнело; заходить так далеко с оправданиями значило лишь выставить себя еще большим негодяем.

— Нас слишком многое связывает: общий аккаунт, почта, подписки, все карты... Если ты вот так уходишь, как мне одному со всем этим разобраться?

— Наверное, ты прав.

— Для начала давай хотя бы разделим наши идентификаторы на телефонах.

— Хорошо.

— В тот самый момент, когда ты произнес слово о расставании, мы перестали быть нами.

— ...

— Я тебе всё отдал, но раз уж ты решил со мной портить отношения, не рассчитывай, что я буду относиться к тебе как раньше. — Юй Сюй бросил на него косой взгляд. — Тань Мэнси, твою мать, о каком мирном расходе сейчас может идти речь.

Огни за окном проносились мимо, машина заметно прибавила скорости, и пейзаж вокруг сделался размытым и призрачным.

Тань Мэнси сжал в пальцах оба телефона, в горле пересохло, и он не мог выдавить из себя ни звука. Его накрыло сильным головокружением — казалось, они с Юй Сюем мчатся прямо к какому-то бурному потоку.

К лучшему это или к худшему, он не знал; он ощущал лишь то, как тело и сознание одновременно выходят из-под контроля.

В тот же день они выехали на скоростную трассу.

Ночная трасса — зрелище скучнейшее: ни позади, ни впереди не было ни единой машины. Еле слышный гул за звукоизоляцией автомобиля стал лучшим убаюкивающим белым шумом.

Юй Сюй включил радио и переключил на рубрику ночных концертов.

Тихий уставший мужской голос затянул песню на английском.

Всю дорогу молчавший Тань Мэнси поднял голову, до этого глубоко зарытую в грудь.

Его любимая песня — Something in the way группы Nirvana.

Юй Сюй потянулся сменить волну: песня была слишком медленной, от нее только клонило в сон.

Тань Мэнси перехватил его руку, прижавшись подушечками пальцев к его тыльной стороне:

— Не переключай, я хочу послушать.

Помедлив секунду, Юй Сюй убрал руку.

— До съезда с трассы еще сорок километров, — сказал Тань Мэнси. — Если ты будешь всю дорогу молчать, то просто не сможешь удержать глаза открытыми.

— Мм.

— Давай поговорим. Как раньше, когда я сидел на пассажирском сиденье.

Они редко путешествовали, но моменты, когда они были неразлучны, случались часто. Иногда оборудование ломалось, и его приходилось везти в ремонт среди ночи; Тань Мэнси наотрез отказывался оставаться дома и непременно навязывался ехать с Юй Сюем. Они болтали без умолку до самого пункта назначения, сдавали прибор и точно так же болтали всю обратную дорогу.

— Жвачку, — бросил Юй Сюй.

Тань Мэнси достал пластинку жевательной резинки и поднес к губам Юй Сюя.

В салоне распространился освежающий мятный аромат, и Юй Сюй заговорил, продолжая жевать:

— Мы прожили вместе больше десятка лет, и я никак не возьму в толк, почему тебе приспичило всё разрушить именно в этот день.

— Юй Сюй, помнишь зубоврачебную клинику рядом с нами?

В четырех домах от них, если идти вправо, находилась стоматология с сорокалетней историей. Раньше ею заправлял старый дантист, потом дело перешло к его сыну, который женился на медсестре, и теперь они вели бизнес вдвоем с женой.

Тань Мэнси даже говорил как-то Юй Сюю, что они похожи. Стоматология и оптика: пара мужа с женой и пара двух мужей. Юй Сюй тогда ответил, что ничего общего — они-то троих детей заводить не собирались.

Дом стоматолога как раз заказывал очки в их оптике.

— Вчера их дочка проверяла зрение, и мы немного поболтались, — понизил голос Тань Мэнси.
— Он сказал, что смертельно устал и не отдыхает ни единого дня в году, все триста шестьдесят пять дней.

— Какое тебе до него дело?

— Не спеши. Он сказал, что видит, как мы тоже пашем без продыху. Я ответил, что нанимать профессионалов слишком дорого, непрофессионалов нужно обучать, а масштабы бизнеса еще не дотягивают до сети, так что крутимся сами как можем.

На лице Юй Сюя промелькнуло хоть какое-то выражение.

Если считать таковым брошенный на Тань Мэнси взгляд.

Тань Мэнси шумно выдохнул, словно выплевывая всю скопившуюся в теле усталость:

— Он сказал, что у них всё точно так же. Они с женой крутятся вдвоем, мысль нанять медсестру откладывали раз за разом, пока трое детей не родились и не подросли — тогда стало еще важнее экономить, и они решили вообще никого не брать.

Юй Сюй ничего не ответил.

Тань Мэнси заговорил о закусочной напротив их мастерской: хозяин отменно готовил, лысый, высокий, с уже наметившимся от возраста животом. Вчера в обед Тань Мэнси заказал еду оттуда. Хозяин привез заказ лично, тоже завел с ним разговор и даже пригласил зайти к нему пропустить стаканчик.

— Только тогда я узнал, что когда он открыл точку напротив, ему было всего двадцать лет, а с тех пор прошло уже двадцать пять. Юй Сюй, ты можешь в это поверить? Он сам мне сказал, что тогда был худым-худым парнем...

Произнося слово «парнем», Тань Мэнси невольно повысил голос.

Дело было вовсе не в том, что это самоназвание стоило удивления, а в том, что образ лысого мужчины средних лет слишком уж резко контрастировал с тем белокожим и стройным юношей, рождая зябкое чувство мимолетности и безжалостности времени.

Тань Мэнси обнял себя за плечи, погрузившись в задумчивость:

— Еда в забегаловках на вынос вся готовится в микроволновке — быстро и гадко, но зарабатывают они больше него. Никого не волнует его кулинарное мастерство, и он собирается всё бросить.

— Из-за того, что стоматолог и хозяин забегаловки поболтали с тобой, ты решил разрушить нашу жизнь? — Юй Сюй все еще не расслаблял лицо. — Чушь собачья.

Тань Мэнси вовсе не хотел в будущем при встрече с каждым встречным жаловаться на усталость и не собирался привязывать смысл своего существования к какому-то одному делу.

<http://bllate.org/book/26050/3119086>